

С. А. БЕЛЯЕВ

## НОВЫЕ ПАМЯТНИКИ РАННЕВИЗАНТИЙСКОЙ МРАМОРНОЙ ПЛАСТИКИ ИЗ ХЕРСОНЕСА

(К вопросу об интерьере херсонесских базилик)

Во время работ Херсонесской экспедиции Института археологии АН СССР на участке «Базилика на холме» в Херсонесе, которые проводятся с 1973 г., был обнаружен ряд интересных памятников византийского прикладного искусства<sup>1</sup>. Значительный интерес представляют два больших фрагмента мраморных плит. Подобные находки в Херсонесе не новость, они встречаются почти ежегодно, начиная с первых лет раскопок города. К сожалению, эти памятники практически не описаны в литературе, многие из них оказались «депаспортизованы». Обнаружение указанных плит при исследовании «Базилики на холме» дает возможность привлечь внимание к этой группе памятников и сделать некоторые наблюдения и выводы.

1. Плита из проконесского белого мрамора. Высота 0,90 м, длина 1,23 м, толщина 10 см. Оббита со всех сторон, за исключением небольших участков снизу и сверху. Сохранность поверхности хорошая; имеются только небольшие выбоины и сколы. Служила перекрытием могилы № 44, расположенной около северного плеча западной стены базилики А. Обнаружена в октябре 1973 г. Хранится в средневековом лапидарии Херсонесского историко-археологического заповедника.

Плита двусторонняя. Обе ее стороны хорошо отшлифованы и отполированы. Следы грубой обработки сохранились только на нижней и верхней узких сторонах. Обе стороны имеют украшения.

Сторона «А» (рис. 1).

Центром композиции является здесь рельефное изображение хризмы, помещенное в двойной концентрический круг. Высота рельефа 5—8 мм. Хризма состоит из соединения греческих букв «X» и «P», причем «X» повернута горизонтально. Буквы эти, как уже говорилось, выполнены в рельефе. Их ширина 0,02 м, длина каждой 19,8 см. Концы этих линий упираются во внутреннюю окружность. Ширина их в этом месте 6 см.

Хризма и обрамляющие ее две рельефные окружности помещены в прямоугольное гладкое поле, ограниченное со всех четырех сторон прямой выпуклой линией. Пояс из трех таких же рельефных линий находится ближе к краю плиты. Около обломанного левого края — часть еще такого же пояса.

Сторона «Б» (рис. 1).

<sup>1</sup> На упоминаемом здесь участке сохранились архитектурные остатки трех последовательно сменявших друг друга комплексов: 1) большой трехнефной базилики, построенной во второй половине IV в. и переставшей существовать в VIII в.; 2) построенной на этом месте в IX—X вв. малой базилики (базилика А) с примыкавшими к ней жилыми и хозяйственными помещениями; 3) с XII в. — той же малой базилики, превратившейся в кладбищенскую церковь (без пристроек). Внутри нее и около ее стен возникает обширное кладбище с оградой — оно существовало до самой гибели города. До 1984 г. было раскопано свыше 160 могил. Подробнее см.: *Беляев С. А.* Новая ранневизантийская мозаика из Херсонеса // ВВ, 1979. 40. С. 114—126.



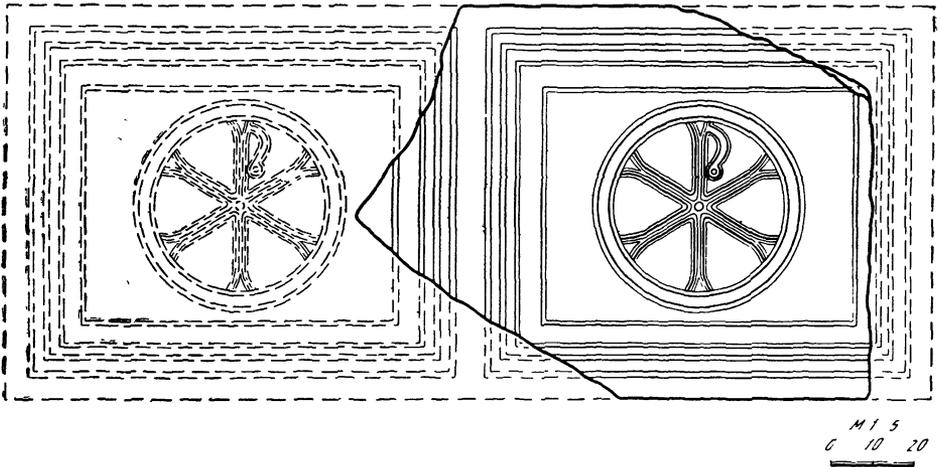


Рис. 2. Плита 1. Сторона А. Реконструкция

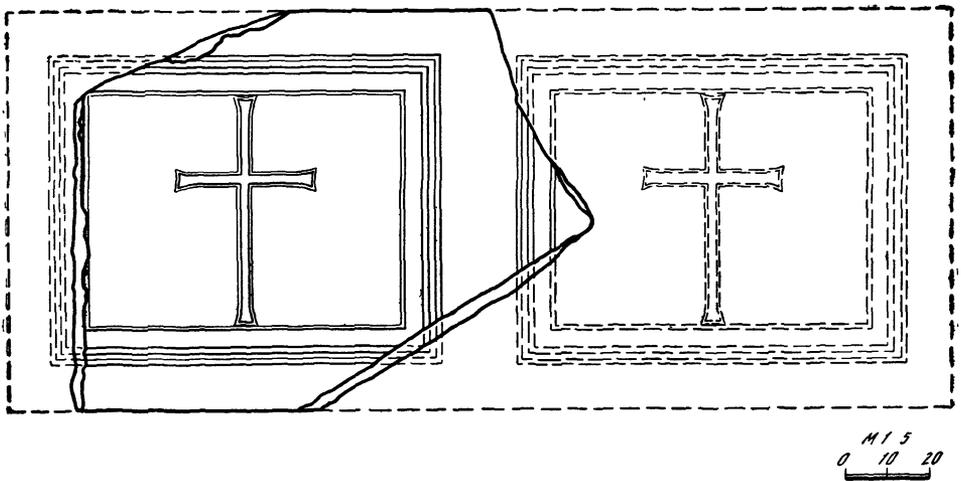


Рис. 3. Плита 1. Сторона Б. Реконструкция

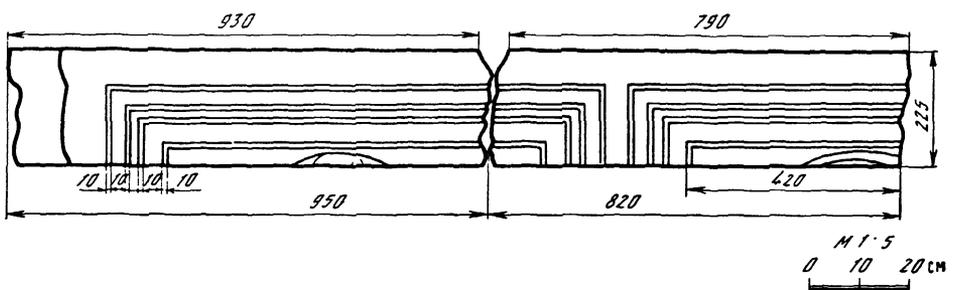


Рис. 4. Плита 2. Сторона А. Натурные обмеры

Схема украшений стороны «Б» такая же, как и стороны «А», только в центре ровного прямоугольного поля помещена не хризма, а крест греческого типа с двойной контурной линией и расширенными концами перекрестий, также выполненный в рельефе.

Длина вертикальной ветви креста 0,53 м, горизонтальной — 15 см, толщина 23 см, толщина краев 5 см.

На верхней узкой стороне плиты сохранились два круглых, высверленных в ней отверстия диаметром 2 см, служившие для укрепления на плите каких-то предметов.

Выше уже упоминалось, что на стороне «А» сохранилась часть линий от второго, внутреннего прямоугольника, подобного тому, который обрамляет хризму. Такие же линии от второго прямоугольника сохранились и на стороне «Б», только уже справа от первого. Аналогии на памятниках, обнаруженных как в Херсонесе, так и в других византийских городах<sup>2</sup>, позволяют предполагать, что общая композиция украшений каждой из сторон состояла из двух совершенно одинаковых композиций. Они разделялись гладкой и пустой вертикальной полосой шириной на стороне «А» 7 см, на стороне «Б» — 10 см. Обе части были полностью симметричны. Таким образом, общая длина плиты равнялась 2,20 м. Именно эти расчеты положены в основу прилагаемой реконструкции (см. рис. 2, 3).

2. От второй плиты уцелела только верхняя часть, состоящая из двух фрагментов, подходящих друг к другу. Они также были использованы для перекрытия могилы (могила № 34, раскопанная в августе 1974 г.) и хранятся в названном выше Херсонесском лапидарии (рис. 4, 5).

Общая длина фрагментов 1,72 м, высота (наибольшая) 22,5 см, толщина 10 см. Как и первая плита, эта изготовлена из светлого проконесского мрамора и хорошо обработана с обеих сторон, которые орнаментированы. Сохранились остатки орнаментации. Она состоит из прямоугольных рельефных рамок, имеющих четыре выпуклые линии толщиной до 8 см. С каждой стороны сохранилось по одному целому прямоугольнику (имеется в виду только его длина) и примерно две трети от второго, несколько меньшего, расположенного рядом (ниже). Иначе говоря, перед нами — точно такая же схема, что и на первой плите. В верхней части этих прямоугольников (внутри них) сохранились: с одной стороны — вершина круга, выполненного в рельефе, с другой — часть вертикальной линии, представляющей собой несомненно верхнюю часть креста. Если вопрос об этой стороне плиты решается относительно просто: кроме креста, на ней ничего и не могло быть, то вопрос о второй стороне — сложнее: неясно, что находилось внутри круга, чем было заполнено его внутреннее пространство. Там могла быть и хризма, как на первой плите, но могло быть и простое изображение креста или же креста с орнаментальными мотивами. В реконструкции дается хризма, однако это только один из возможных вариантов; получить категорически однозначный ответ на вопрос, учитывая плохую сохранность памятника, невозможно (рис. 6, 7).

Обе плиты первоначально предназначались для других целей. Все ранее найденные в Херсонесе плиты также обнаружены не на своем первоначальном месте. Они были откуда-то извлечены и использованы жителями Херсонеса для собственных нужд, в основном бытовых, чаще всего для погребальных надобностей. В настоящее время большинство этих плит хранятся в упомянутом лапидарии<sup>3</sup>, некоторые же — в Гос. Эрмитаже и Историческом музее в Москве. В русской и советской исторической и археологической литературе подобные плиты обычно называют «плитами алтарной преграды». Такое название появилось при публикации археологических отчетов еще в прошлом веке<sup>4</sup>. Поскольку этот материал в нашей литературе совершенно не разработан, из отчетов оно перешло на страницы научной литературы<sup>5</sup> и закрепилось в ней, хотя отнюдь не раскрывает полностью функциональное назначение памятников и не дает ясного представления ни о месте, ни о способе их использования. Эта

<sup>2</sup> См., например: *Николаевић-Стојковић*. Рановизантиска архитектонска декоративна пластика у Македонији, Србији и Црној Гори. Београд, 1957. Рис. 153, 156.

<sup>3</sup> *Домбровский О. И.* Херсонесская коллекция средневековых архитектурных деталей // СХМ. Симферополь, 1963. II. С. 81—82.

<sup>4</sup> В старой литературе плиты назывались «иконостасными». См.: *Косцюшко-Валюжинич К. К.* Отчет о раскопках в Херсонесе в 1897 г. // ОАК. 1897. С. 108 и ряд других его отчетов. Формулу «плиты алтарных преград» часто употребляет в своих отчетах Г. Д. Белов. См., например: Отчет о работе в Херсонесе за 1935—1936 гг. Симферополь, 1938. С. 94.

<sup>5</sup> А. Л. Якобсон называет их предалтарными. См.: *Якобсон А. Л.* Раннесредневековый Херсонес // МИА, 1959, 63. С. 132, 151, 158.

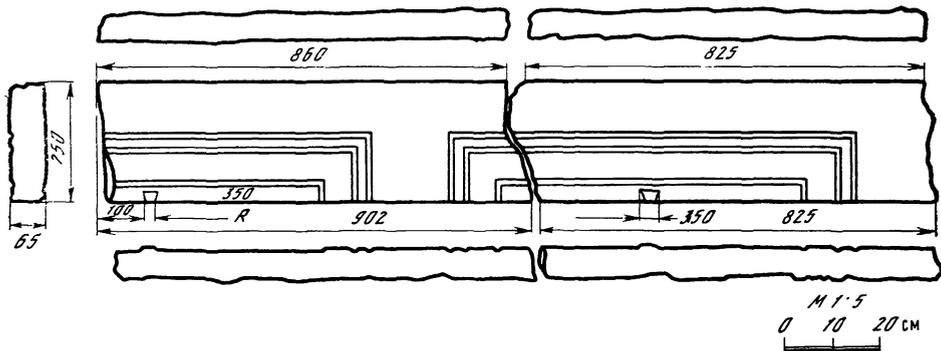


Рис. 5. Плита 2. Сторона Б. Натурные обмеры

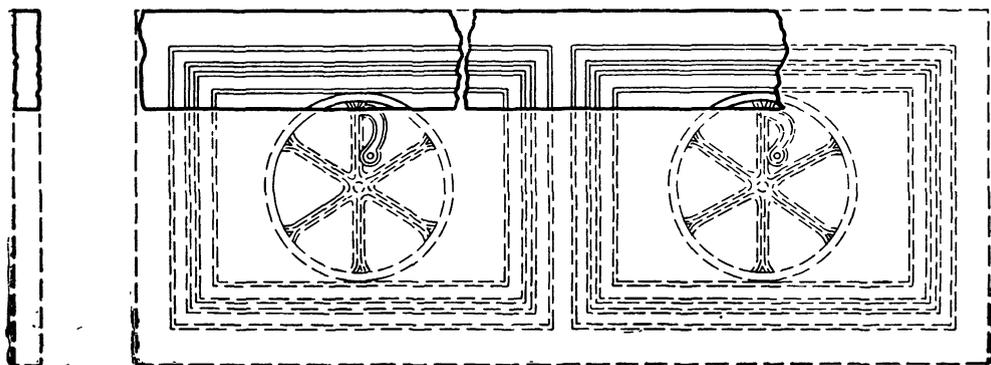


Рис. 6. Плита 2. Сторона А. Реконструкция

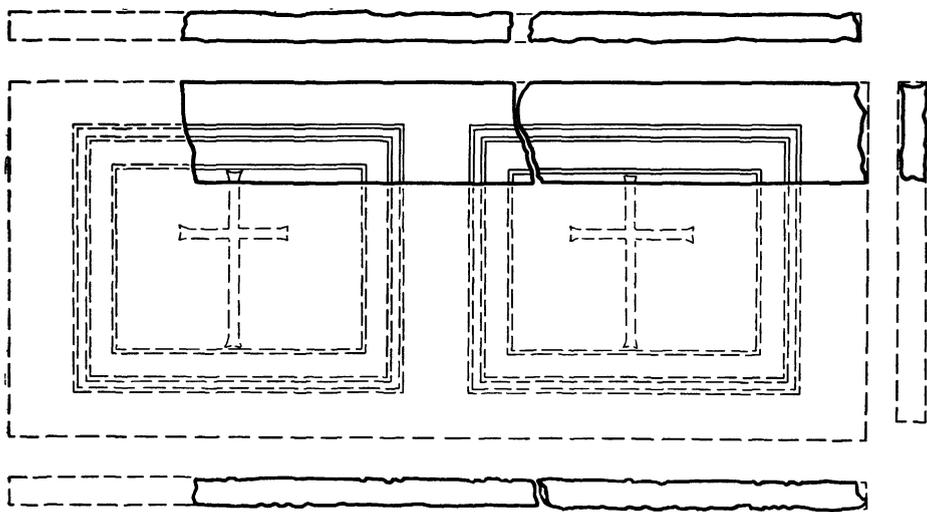


Рис. 7. Плита 2. Сторона Б. Реконструкция

группа памятников относительно хорошо изучена в специальной литературе<sup>6</sup>.

В научной литературе памятники, подобные публикуемым, считаются в числе самых существенных элементов ранневизантийского храма любого архитектурного типа, будь то базилика или купольная архитектура,

<sup>6</sup> См., например: Райс А. Н. *Παλαοχριστιανικά θωράκια μετά ρόμβου* // ВСН. 1950. Т. 74. Р. 233 ff.; Николаевский-Стожков И. Указ. соч.; Ubert Th. Studien zur decorativen Reliefplastik des östlichen Mittelmeerraums (Schrankenplatten, des

притом, как одна из наиболее ярких групп ранневизантийской каменной пластики (наряду с капителями, саркофагами и некоторыми другими). Действительно, нет ни одного храма ранневизантийского времени (от Испании до Северного Причерноморья), в котором подобные плиты не были бы использованы. Публикуемые плиты также первоначально составляли часть храмового интерьера.

Хотя они стали значительным явлением в области декоративной пластики только в ранневизантийское время (IV в.), когда началась массовая постройка церквей, в качестве части архитектурного интерьера подобные плиты появились значительно раньше: они известны еще в Древней Греции в V—IV вв. до н. э. О них упоминает, в частности, Аристофан (Всадники, 641; Демосфен. XXV. 23)<sup>7</sup>. Широкое распространение получили такие плиты в Риме: они использовались, к примеру, во дворце Домициана на Палатине, в ряде построек на Римском форуме и других местах<sup>8</sup>.

В античное время канцелли применялись, как видно из сведений древних авторов, для выделения какой-то части внутри помещения или для отделения одного помещения от другого. В этих же целях они использовались и в раннехристианских храмах. Устройство последних в ранневизантийские времена было намного сложнее, чем впоследствии, что обуславливалось более сложным делением верующих на определенные группы. Каждая из групп, готовившихся к крещению, должна была находиться обособленно от других, в отдельных помещениях<sup>9</sup>. Поэтому единое архитектурное пространство («под одной крышей») членилось на несколько самостоятельных ячеек — посредством перегородок, состоявших из столбиков, поставленных между канцелли.

Исследователи полагают, что канцелли употреблялись в храме для ограждения алтаря, для отделения центрального нефа базилики от боковых — они ставились между колоннами, для обособления поперечных помещений от боковых нефов, для отделения атриумов, для ограждения кивориев, фонтанов и фиал<sup>10</sup>. Иными словами, они использовались всюду, где нужно было вычленить определенное пространство и где не было конструктивной или функциональной необходимости возводить глухую и несущую стену. Из приведенного перечня, возможно даже не совсем полного, видно, что бытующее название «плиты алтарной преграды», данное по функциональному признаку, не совсем точно: оно не передает всего многообразия их практического применения<sup>11</sup>. Поэтому представ-

4.—10. Jh). München, 1969. Значительное место им уделяется в каталогах музеев, описаниях памятников и т. д. См., например: *Εισαγωγή Γ. [και] Μ. Ἡ βασιλικὴ τοῦ ἁγίου Δημητρίου Θεσσαλονίκης. Ἐν Ἀθήναις, 1952. Δεύκομα, πίν. 17, 48, 49, 50, 51; κείμενον, σελ. 171—174; Ὁρλάνδος Ἀ. Ἡ ἐξολοστεγὸς παλαιохριστιανικὴ βασιλική. Ἀθήναι, 1954. Τ. 2. Σελ. 512—528; Deichmann Fr. W. Ravenna: Geschichte und Monumente. Wiesbaden, 1969. S. 63—69, Abb. 55—85; Θεοχ. Παπαρῶς. Κατάλογος χριστιανικῶν ἀναγλύφων πλακῶν ἐκ Θεσσαλονίκης με ζωομόρφες παραστάσεις // Βυζαντινά. Τ. 9. 1977. Σελ. 23—96.*

<sup>7</sup> Древние авторы называли их по-разному: ἡ κίχλις (решетка), ὁ δρύφακτος, τὸ δρύφακτον, κάγκελοι, κάγκελλα (перегородка, барьер), ὁ θώραξ (панцирь, латы). Этими же терминами пользовались и византийские авторы (ранние и поздние) при описании интерьера храмов — для обозначения внутренних перегородок и самих плит, из которых перегородки были сделаны. В латинском языке удержалось только одно название — cancelli (решетка, загородка). Из латинского языка это название, не изменившись по форме, перешло во все современные западноевропейские языки и прочно вошло в научную литературу. Только исследователи Греции используют новогреческий термин θωράκιον.

<sup>8</sup> Delvoye Ch. «Cancelli» // Reallexikon zur bysantinischen Kunst. Stuttgart, 1966. Bd. 1. s. v. «cancelli», col. 900—901.

<sup>9</sup> Audollent A. Carthage romain. P., 1901. P. 604—610.

<sup>10</sup> Delvoye Ch. Op. cit., col. 902—903.

<sup>11</sup> В самом Херсонесе, по крайней мере, относительно двух случаев можно утверждать, что подобные плиты использовались для заполнения интерколумниев в колоннаде, отделяющей центральный неф базилики от боковых. Это северная базилика, где отчетливо видны следы от плит (неглубокие, точно по размерам плит выемки), на стилобате между центральным и южным нефами. См.: Айналов Д. В. Развалины храмов. М., 1905. С. 29. (Памятники христианского Херсонеса; Вып. 1). Эти выемки

ляется более рациональным употреблять термин «канцелли», который уже прочно вошел в научный обиход и стал *terminus technicus*. Значительное большинство канцелли — мраморные, хотя они могли изготовляться и из других материалов — дерева, бронзы, даже серебра (София Константинопольская)<sup>12</sup>, (однако существование таких плит засвидетельствовано главным образом литературными источниками).

Плиты, о которых идет речь в настоящей статье, так же как и большинство подобных памятников, найдены в Херсонесе в качестве использованных уже не по своему прямому назначению. Кроме того, большая часть их обнаружена во время раскопок, производившихся до 1917 г., они не имеют своего археологического «паспорта», и поэтому не известны не только обстоятельству, при которых они были обнаружены, но и место, в частности базилика, или храм, где они были найдены. Чтобы выяснить все это, нужна большая работа в архивах и музейных фондах. Однако, если даже все эти данные и будут установлены, это еще не означает, что удастся определить тем самым место первоначального размещения каждой плиты. Ведь после разрушения архитектурного памятника, в котором она первоначально находилась, плита могла быть перенесена на другой, подчас противоположный край города на предмет ее использования в новой постройке. Такие случаи известны. Поэтому вопрос о первоначальном местонахождении плит достаточно сложен, а результаты его решения не всегда могут быть признаны бесспорными. Попытаемся все же извлечь кое-какие данные из аксессуаров, имеющих на самих плитах, чтобы попытаться внести некоторую определенность в анализируемую проблему.

Уже отмечалось, что обе плиты двусторонние, т. е. снабжены орнаментацией с обеих сторон, причем как по качеству обработки материала, так и по орнаментальной композиции принципиальной разницы между обеими сторонами нет. Двусторонность плиты позволяет предположить, что последняя изготовлялась в расчете на восприятие «зрителями» с обеих сторон. Известно, что обычно плиты, стоявшие в нижней части алтарной преграды, были односторонними: вторая сторона была скрыта от массы прихожан<sup>13</sup>. То же самое относится и к плитам, которые служили ограждением на хорах, составлявших второй этаж<sup>14</sup>. Та сторона, которая была обращена внутрь храма, была обычно украшена, вторая же, обращенная вовнутрь хор, гладкая. Плиты с двусторонней орнаментацией чаще всего находились в интерколумниях колоннад, отделявших один неф от другого (базилики имели не менее трех нефов; иногда количество нефов доходило до девяти)<sup>15</sup>. Таким образом, вероятнее всего, рассматриваемые нами плиты предназначались для размещения между колоннами в одной из базилик Херсонеса.

В какой же именно базилике они могли быть помещены? На этот вопрос тоже нельзя получить бесспорного и абсолютно достоверного ответа, но все же мы постараемся прояснить кое-что и тут.

Выше уже было отмечено, что изучаемые плиты предназначались для размещения в интерколумниях. На сегодня в Херсонесе в результате археологических исследований выявлено и раскрыто 12 базилик. Во многих из них сохранились базы колонн, стоявших на стилобатах, или четкие следы от этих баз. В большинстве базилик — и это главное — легко измерить расстояния между колоннами: они не соответствуют длине плит —

---

видел и автор, бывая там ежегодно и руководя работами Херсонесской экспедиции ИА АН СССР. Другой пример — Уваровская базилика: ее раскопки проводил граф А. С. Уваров в 1853 г. и обнаружил такие же плиты, стоящие на своем месте (*in situ*) в ограждении хора, выступающем от соеи в центральный неф. См.: *Айналов Д. В. Указ. соч.* С. 3—4. Кроме того, пазы от плит видны в стилобате колоннады, отделяющей центральный неф от северного. Этот факт, насколько нам известно, в литературе еще не отмечался.

<sup>12</sup> *Delvoye Ch.* Op. cit. Col. 903.

<sup>13</sup> См., например, упомянутые в примеч. 4 работы Орландоса и Дейхмана.

<sup>14</sup> Из доступных и близких памятников примером может служить София Киевская.

<sup>15</sup> *Krauthheimer R. Early Christian and Byzantin Architecture.* Harmondsworth; Baltimore, 1965. P. 144, базилика *Damous-el-Karita*, в пригороде Капфагена.

2,20 м, следовательно, первоначально плиты не могли находиться ни в одной из открытых базилик. Естественно возникает предположение, не предназначались ли они и не были ли вначале помещены в ту самую базилику, где плиты и были обнаружены, — в базилику на холме? Имеется в виду, конечно, ранняя базилика, сооружение которой мы относим предположительно к середине — третьей четверти IV в. Базилика была трехнефная, по нашей гипотезе, двухэтажная, с одним нартексом. Впоследствии она была разрушена, и на ее месте позднее построена новая базилика, занимавшая 1/4 площади прежней. Во время археологических раскопок памятника не были обнаружены фундаменты стилобатов и тем более базы от колонн, но, судя по косвенным данным, изучаемые плиты могли находиться именно в интерколумниях базилики на холме. Они хорошо — и это не случайное обстоятельство — укладываются по длине стилобата, а количество колонн соответствует примерно тому числу их, которое обычно находится в нефях такой длины. С некоторой долей вероятности можно поэтому полагать, что публикуемые канцелли принадлежали первоначально к той базилике, на месте которой они были обнаружены.

Как уже было отмечено, обе плиты сделаны из проконесского мрамора. В с. Прокопесс находились принадлежавшие императору мраморные разрезки, подобные тем, которые были в Сев. Африке (Шемту)<sup>16</sup>, на о-ве Фазосе (Алики)<sup>17</sup>. Мрамор из этих карьеров широко применялся для украшения зданий во всем римско-византийском мире; особенно распространены были изделия из проконесского мрамора. Ими украшены храмы в Италии, Малой Азии, на Балканах и т. д.<sup>18</sup> В каком виде этот мрамор доставлялся туда, где его непосредственно использовали? В отношении памятников, найденных при раскопках Херсонеса, было высказано предположение, что в Херсонес привозили уже готовые изделия<sup>19</sup>. Исследования базилики на холме, проводимые Херсонесской экспедицией ИА АН СССР, позволили наметить несколько иное, более точное решение вопроса, заключающееся в следующем.

Внутри базилики был открыт колодец глубиной свыше 6 м, очень плотно забитый отесками проконесского мрамора. Никакого археологического материала — керамики, изделий из стекла, монет и т. д. — в нем обнаружено не было. Колодец этот, безусловно, относится к античному времени: при сооружении базилики в IV в. он был засыпан. На это указывает его стратиграфия. В IV в. колодец был перекрыт полом первой базилики; во времена второй базилики — вероятно, на раннем этапе ее существования — над ним было произведено чье-то погребение в специально вырытой могиле (№ 17 по общему счету). Могила была вырыта непосредственно над колодцем и перекрыла его, так что со времени сооружения базилики IV в. колодец был перекрыт и туда не попало ничего, что относилось бы к позднему времени<sup>20</sup>.

Кроме того, к востоку от абсиды был найден слой строительного мусора IV в. н. э., образовавшегося в период строительства ранней базилики. На это также указывает его стратиграфия, в частности соотношение с подстилающими и перекрывающими слоями; к абсиде базилики IV в. этот слой подходит на уровне цоколя, четко отделяя ту часть кладки, которая была заглублена в землю, от той, которая выступала на поверхность. В слое были обнаружены всего 2 монеты и обе — от начала IV в. (одна — Лициния — 308—324 гг.). Слой строительного мусора

<sup>16</sup> *Ward-Perkins J. B.* Tripolitania and Marble Trade // *JRS*, 1951. Vol. XLI. P. 89—104.

<sup>17</sup> *Sodini J. P., Lambrecki A., Koželj T., Aliki I.* Les carrieres de marbre à l'époque paléochrétienne // *Études Thasiennes*, 1980. IX. P. 197.

<sup>18</sup> *Якобсон А. Л.* Указ. соч. С. 132.

<sup>19</sup> Там же.

<sup>20</sup> Базилика раскапывалась экспедицией под руководством автора настоящей статьи. Колодец раскопан в 1974 г., слой к востоку от абсиды — в 1974—1975 гг. Приведенная в тексте характеристика колодца и слоя изложена и снабжена графической и фотодокументацией в отчетах о работе Херсонесской экспедиции ИА АН СССР за соответствующие годы (см. архивы ИА АН СССР, ИА АН УССР и Херсонесского музея-заповедника).

состоял исключительно из отесков проконесского мрамора и располагался на расстоянии примерно 10 м от восточной грани обсиды (по всей ее длине), его толщина равнялась 10—12 см. Этот слой образовывал вымостку вокруг стен базилики. Имелся ли он вокруг остальных ее стен, сказать трудно, поскольку вся площадь к югу и к западу от нее впоследствии неоднократно перекапывалась. К северу от базилики вымостка была сделана из известнякового камня. Она прослеживается на протяжении 10—20 м от северной стены по всей ее длине.

Отески проконесского мрамора могли оказаться в обоих указанных местах, да еще в таком огромном количестве, только в том случае, если, как можно предположить, обработка или, во всяком случае, доработка мраморных частей интерьера происходила около самого здания, для которого они предназначались. Из карьеров могли поступать только заготовки. Конечно, по отескам и сколам трудно сказать, какие именно части, какие изделия из мрамора изготавливались на месте, поскольку и капители, и колонны, и базы, и канцелли были сделаны из одного и того же, проконесского, мрамора; нет никаких оснований отдавать предпочтение какой-либо одной группе изделий.

Сказанное тем более верно, что один такой случай уже известен в Херсонесе. При раскопках базилики VI в. (по датировке Белова—Якобсона) в 1935 г. пол в ее центральном нефе был вымощен мраморными плитами довольно значительных размеров. Когда они были перевернуты, то оказалось, что это стенки саркофагов римского времени, частью с изображениями и надписями на одной стороне, частью гладкие с обеих сторон. Последние были интерпретированы как заготовки для сооружений мраморных саркофагов на месте<sup>21</sup>. Таким образом, не исключено, что и публикуемые плиты были изготовлены на месте из заготовок, привезенных из карьеров Проконесса. В понятие «изготовлены» мы включаем подгонку размеров плит к целям их предназначения и высечение с обеих сторон изображений.

Остался нерешенным еще один, пожалуй самый трудный, вопрос — о времени изготовления публикуемых канцелли. Он может быть решен, если принять во внимание два обстоятельства: во-первых, археологический контекст, в котором плиты были найдены, во-вторых, результаты художественного (стилистического и иконографического) анализа украшений. И по первому и по второму пункту приходится ограничиться только несколькими более или менее надежными предположениями.

Как уже говорилось выше, обе плиты были обнаружены в качестве перекрытия могил, которые датируются XII—XIII вв., когда существовала вторая, поздняя базилика, являвшаяся тогда кладбищенской церковью. Хотя эта церковь была базиликального типа и разделена двумя рядами колонн (по 4 колонны в каждом ряду)<sup>22</sup>, но между ними плиты уже не стояли — ни здесь, ни в других, поздних базиликах; в разделении базилики на «отсеки» уже не было необходимости. Следовательно, в этой базилике плиты отсутствовали; к XII—XIII вв. они были использованы не по своему первоначальному назначению. Если верно высказанное ранее предположение о первоначальном размещении плит в интерколумниях ранней базилики, постройка которой нами датируется серединой—третьей четвертью IV в., то изготовление и помещение в ней плит также должно быть отнесено к этому времени.

Хотя в специальной (в основном западноевропейской) литературе, как уже отмечалось, канцелли и вообще ранневизантийской скульптуре уделяется сравнительно большое внимание, обобщающих и аналитических работ по канцелли очень мало (можно назвать всего несколько статей, посвященных частным вопросам)<sup>23</sup>. Сюжеты, используемые на публикуе-

<sup>21</sup> Белов Г. Д. Указ. соч. С. 99—100, 110.

<sup>22</sup> Айналов Д. В. Указ. соч. С. 92—95.

<sup>23</sup> Farjoli R. Corpus della scultura paleocristiana, byzantina et altomedievale di Ravenna. III. La scultura architettonica. Roma, 1969; Grabar A. Sculptures byzantines de Con-

мых канчелли, не принадлежат к числу исследованных. Основные работы — это, как правило, публикации базилик, среди развалин которых находят подобные плиты. Точные даты в таких работах обычно не указываются, а разработка типологии не осуществляется. Самое большее, что они могут дать, — это обозначение района и примерное время распространения. Даже привлечение каменной пластики других категорий, например мраморных саркофагов, на которых использовались те же сюжеты, причем их типология и хронология разработаны лучше, может дать только примерные хронологические ориентиры. По-настоящему серьезным основанием могла бы послужить разработка типологии и хронологии всей этой группы памятников с привлечением всего материала — с разбивкой его по регионам, с изучением, опять-таки по регионам, эволюции композиции в целом и отдельных ее элементов. Предварительным этапом в такой работе могла бы стать каталогизация всех предметов — в едином сводном издании (по примеру каталогов расписных ваз) или отдельно (по странам и музеям)<sup>24</sup>. До сих пор выпущены каталоги лишь единичных музеев<sup>25</sup>. Исходя из этого постараемся определить или, во всяком случае, наметить тот круг памятников, хронология которых определена и с которыми можно сопоставить публикуемые плиты.

История появления монограммы (хризмы) известна, для решения же интересующего нас вопроса большую важность представляют первые памятники с ее изображением. По наблюдениям П. Брууна, впервые монограмма появляется в качестве эмблемы на каске императора Константина, последняя изображена на серебряной монете г. Тицина (Ticinum), выпущенной в 315 г.; немного позднее, в 318—319 гг., хризма фигурирует на бронзовых монетах г. Сисция (Siscia) и, наконец, еще

stantinople (IV—X<sup>e</sup> s.). P., 1963; *Idem*. Sculptures byzantines du Moyen-Age (XI—XIV s.). P., 1976.

<sup>24</sup> «Мраморы Херсонеса» — ценный и важный источник прежде всего по художественной культуре города ранневизантийской эпохи, и потому он заслуживает внимательного изучения. Херсонесская экспедиция ИА АН СССР уже в течение ряда лет проводила работы по архитектурным обмерам канчелли, баз и капителей, и мы надеемся, что эта работа может быть продолжена, а ее итогом явится полный каталог ранневизантийской каменной пластики Херсонеса. В свое время такую работу задумывал провести или даже провел Д. В. Айналов, впоследствии член-корреспондент АН СССР. Кроме опубликованной им книги «Развалины храмов» в серии «Памятники христианского Херсонеса» (М., 1905), он предполагал издать в этой же серии (совместно с Е. К. Рединым) еще один выпуск, в котором были бы рисунки и описание мраморных изделий, найденных в развалинах Херсонесского городища, мозаичных полов и остатков фресок в херсонесских храмах (Указ. соч. С. VI). Издание это, однако, не увидело света. В одной из самых поздних своих автобиографий, хранящихся среди прочих документов в архиве АН СССР, Д. В. Айналов писал: «По приглашению Московского археологического общества два раза, в 1904 и 1905 гг., был командирован в Херсонес для изучения его древних развалин и мраморов. . . Из числа работ, сделанных в Херсонесе, опубликована только одна: „Развалины храмов Херсонеса“ (1905). Обширный же научно обработанный каталог мраморов находится в моем портфеле» (Архив АН СССР. Ф. № 737). К сожалению, ни среди материалов Д. В. Айналова, находящихся в архиве АН СССР, ни в архиве Гос. Эрмитажа ничего хотя бы отдаленно похожего на готовую работу о мраморах Херсонеса обнаружить не удалось. В изобилии имеются только схематичные рисунки баз и капителей, а также копии чертежей этих памятников, подлинники которых — в архиве Государственного Херсонесского историко-археологического заповедника. В каком виде этот научно обработанный каталог мог существовать? И куда он исчез? Со слов ныне покойного сотрудника Гос. Третьяковской галереи А. Н. Свирина, который был в близких отношениях с семьей исследователя, мне известно, что многие его бумаги еще долго оставались у его вдовы. Даже если рукопись Д. В. Айналова «Мраморы Херсонеса» когда-нибудь найдется, ныне и требования к такому рода изданиям (по сравнению с 1904 и 1905 гг.) изменились, да и объем материала за последние 75—80 лет значительно возрос. В силу всего сказанного создание каталога мраморов Херсонеса остается поэтому «в повестке дня».

<sup>25</sup> К указанным в примеч. 4 можно добавить еще несколько работ: *Sodini J.-P.* Remarques sur la sculpture architecturale d'Attique, de Béothie et du Péloponnèse à l'époque paléochrétienne // BCH. 1977. T. CI. P. 423—450; *Idem*. La sculpture architecturale à l'époque paléochrétienne en Illyricum // 'Ελληνικά, 1982. T. 26. P. 31—118.

несколькими годами позже — как знак эмиссии на монетах городов Тицина, Аквилеи, Сисции, Фессалоники<sup>26</sup>.

Как отмечает К. Вессель, автор соответствующей статьи (*Christus monogramm*) в издаваемой в настоящее время энциклопедии по византийскому искусству, хризма — это обобщенное собирательное название четырех типов монограмм Христа, образованных из различных компонентов и потому различающихся по форме<sup>27</sup>. Объединяет их в одну группу под одним названием «хризма» наличие в каждой из них имени Христа: хризма, состоящих из двух букв этого имени — «X» и «P»; *сгх monogrammatica*, т. е. монограмма из изображений креста и буквы «P»; монограмма из первых букв того же имени — «И» и «X» — и, наконец, в виде комбинации креста с буквой «X». Многочисленные примеры, которые приводит автор, обращаясь к разным памятникам — мраморам, прикладному искусству (например, блюдо епископа Патерна из Перещепинского клада в Эрмитаже), относятся им к IV—VI вв. В средне- и поздневизантийском искусстве хризма, по Весселю, не играла большой роли<sup>28</sup>.

Согласно его классификации, хризма на публикуемых здесь плитах относится к первой группе. Все приведенные им в качестве примеров памятники датируются IV—началом V в. Единственное исключение составляет блюдо епископа Патерна — 518 г.

К раннему времени относит хризмы этого типа на христианских надписях из Рима и П. Бруун: № 200, 270, 277 — ок. 320 г., № 107, 116, 128, 142, 160, 188, 263 — ок. 330 г. и только одну надпись № 295 — к 390 г.<sup>29</sup> Изображение хризмы такого же типа на римских саркофагах, как правило, не выходит за пределы IV в.<sup>30</sup>

На памятниках, анализируемых нами, и хризма и крест — единственные украшения. Они даны сами по себе, без каких-либо добавлений, т. е. не входят ни в какие композиции. На наш взгляд, это важная особенность, дающая некоторое основание настаивать на их ранней дате по сравнению с другими плитами из Херсонеса и других ранневизантийских центров. Ведь на большинстве плит подобного рода, где присутствует хризма, она или включена в более обширную композицию, или же снабжена дополнительными украшениями (типа волнистых линий внизу плиты и т. д.). Примером могут служить памятники из Джвари<sup>31</sup>, базилика Филиппа в Стоби<sup>32</sup>, памятники Равенны в Риме (саркофаги и плиты)<sup>33</sup>. В таких случаях хризма обычно меньше по размеру и занимает меньшую часть свободного поля украшаемой поверхности. Памятники этого рода датируются обычно более поздним временем, следовательно, они могут рассматриваться как следующий этап развития украшения поверхности плит хризмой.

Изображение креста с удлинённой вертикальной ветвью и расширяющимися концами также обычно встречается в памятниках IV в., что скорее подтверждает предположение о ранней дате публикуемых плит, чем опровергает его.

Таким образом, иконография изображения хризмы и приведенный круг памятников не противоречит тому, чтобы датировать рассматриваемые плиты временем постройки ранней «базилики на холме», т. е. серединой — третьей четвертью IV в.

<sup>26</sup> Bruun P. Symboles, signes et monogrammes // *Sylloge Inscriptionum Christianarum veterum musei Vaticani, Acta Instituti Romani Finlandiae*. Helsinki, 1963. Vol. 1, 2. Commentarii. P. 157.

<sup>27</sup> Wessel K. Christusmonogramm // *RbK*. Bd. I. Col. 1047—1048.

<sup>28</sup> Ibid.

<sup>29</sup> Bruun P. Chronologie. . . // *Sylloge*. . . , P. 242.

<sup>30</sup> Deichmann F. W. *Repertorium der christlich-antiken Sarkophagen*. Bd. 1. Rom und Ostia. Wiesbaden, 1967. N 49 (S. 48) — середина IV в., № 59 (S. 127) — конец IV — начало V в., № 224 (S. 134), № 293 (S. 154) — последние треть IV в., № 653 (S. 262) — конец IV в., № 758 (S. 312) — начало V в., № 933 (S. 389) — последняя четверть IV в.

<sup>31</sup> Шмерлинг Р. *Малые формы архитектуры средневековой Грузии*. Тбилиси, 1962. Табл. 1, верхний снимок.

<sup>32</sup> Николаевич-Стожкович И. Указ. соч. Рис. 154, 155, 157, 158, 159.

<sup>33</sup> Для саркофагов Рима см. их номера в примеч. 3. Для Равенны см.: Deichmann F. W. *Ravenna: Geschichte und Monumente*. Wiesbaden, 1969. Abb. 56, 57, 58.